

Харри Вальтер
Грайфсвальд

ПРОЦЕССЫ НЕОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Динамика развития современных славянских языковых систем активизировала процессы неологизации лексики и фразеологии. Эти процессы характерны для всех основных славянских языков, однако и степень интенсивности, и направление взаимодействия своего и чужого, и реакция на новые элементы в каждом из них имеют свою специфику. Специфика эта обуславливает и методы лингвистического исследования новой фразеологии.

Во-первых, в каждом отдельном направлении такого рода исследования различна степень изученности фразеологии вообще и славянской фразеологии в частности. Во-вторых, и к самой фразеологии, и особенно к фразеологическим неологизмам в каждой славянской стране подходят, исходя из своих собственных традиций. В-третьих, оценка неологизмов в разных традициях имеет весьма широкую шкалу возможностей — от весьма толерантного подхода до жёсткой пуристической элиминации. Наконец, индивидуальность авторских стилей и представленности конкретного материала дают весьма разную картину оценки фразеологических неологизмов в каждом из славянских языков. При всём таком многообразии можно, тем не менее, обнаружить достаточно много общих явлений во фразеологической неологии в современной Славии и представить относительно целостное (комплексное) описание современного статуса столь значимого языкового уровня, как фразеология, описав основные аспекты функционирования славянской фразеологии в наше время.

Опыт такого комплексного описания нашёл отражение в коллективной монографии о современных славянских фразеологических системах, которая стала частью фундаментальной серии, посвящённой исследованию различных уровней славянских языков (*Komparacja...* 2008). Новаторская концепция такого описания была предложена ещё

на Краковском съезде славистов профессором Станиславом Гайдой, а проект был осуществлён 46 авторами из 14 стран. Концептуально монография исходит из теоретической модели «тенденция развития», разработанной Куртом Гутшмидтом и Ингеборг Онхайзер на словообразовательном материале (Komragasja... 2003). Авторы монографии пытаются, с одной стороны, выявить дифференциальные явления, отличающие фразеологию одного языка от другого, с другой, — объективно продемонстрировать тождественные и сходные процессы и тенденции, имеющие исторические, политические, культурологические корни. Тем самым дивергентные и конвергентные факты получают как достаточно репрезентативное описание, так и объективную квалификацию. Каковы же основные категориальные блоки динамических явлений, показательных для современного состояния фразеологических систем Славии?

Важнейшая проблема изучения современной фразеологической неологии — это её собственно лингвистическая интерпретация. Необходимость строгого лингвистического подхода следует особо подчеркнуть именно потому, что нередко на неологические явления смотрят как на чисто социальные феномены, подменяя лингвистический анализ общими социолингвистическими, политологическими или культурологическими интерпретациями. Немалый вред изучению этой проблемы приносят, как нам кажется, и жёсткие рекомендации в духе так называемой «правильности речи». Самым необходимым для качественного лингвистического исследования славянской фразеологической неологии на данный момент является последовательное и целенаправленное накопление большого самостоятельного материала. Лишь на этой основе можно будет скорректировать предварительные лингвистические диагнозы для фразеологической неологии как отдельных славянских языков, так и для языковой Славии в целом. Пока же, к сожалению, ещё нет достаточной материальной базы для симметричного и адекватного изучения фразеологической неологии на широком славянском ареале. Многие ещё предстоит сделать лингвистами и для теоретического осмысления этой проблемы. Так, даже основное понятие неологизма и лексикологами, и фразеологами постоянно оспаривается, меняется и уточняется, что, конечно, не может не отразиться как на объёме, так и на качестве анализируемого материала и его обработке. Рассматривая различные дефиниции общелингвистического термина «неологизм» (нем. *Neologismus*, *Neubildung*, англ. *neologism*, франц. *néologisme*, исп. *neologismo*) — «новая форма или новое выражение» (греч. *neologismos*), В. М. Мокиенко применительно к фразеологии предлагает такую его дефиницию: «Фразеологические неологизмы — это не за-

регистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко 2003: XI). Более широким понятием при этом становится термин *фразеологические инновации*, определяемые как «фразеологизмы (вне разделения на языковые, речевые,okkaзиональные), которые являются новыми либо по форме, либо по значению, либо по форме и значению вместе для рассматриваемого периода развития литературного языка относительно предшествующего, условно взятого за точку отсчета, периода (вне прямой зависимости, хотя и с учетом словарных фиксаций)» (Гананольская 2002: 152). Дефиниция понятия «фразеологический неологизм» чрезвычайно важна уже потому, что она очерчивает круг материала, который должен стать объектом описания и анализа. К фразеологическим неологизмам узкого круга относятся, прежде всего, словосочетания идиоматического типа. Классическими здесь будут обороты типа рус. *быть в одной лодке, делать что-то через колено* или *менять коней на переправе*. Такого рода фразеологических неологизмов в каждом славянском языке не слишком много, потому что они не называют каких-либо новых реалий и в целом адекватны коннотативным идиомам и лексике своего собственного языка.

Иное дело — публицистические клише-перифразы, находящиеся на периферии фразеологической системы языка, напр., рус. *белые халаты, голубые береты, зелёные береты, железная леди, двойная мораль, чёрный понедельник, утечка мозгов, чёрный ящик*; пол. *biała dama, biała śmierć, czarne złoto, czarny czwartek, czarny sport, kraj trollów, kraj tulipanów, piąta władza, sezon ogórkowy, w wieku trolejbusowym, żelazny Józef*; чеш. *bílé svinstvo, bílá smrt, černé barety, zelené barety, modré barety, odliv mozku; vymývání mozku, první dáma*; укр. *нові бідні, круті виражі, вірус імунodefіциту, прозора влада, стрижка купонів, нульовий варіант, оранжева демократія, сліпа пляма, каштанова революція, чорний піа; шокова терапія*.

Даже наугад выбранные здесь примеры из нескольких славянских языков ярко свидетельствуют о том, что тематический спектр фразеологизмов-идиом и фразеологизмов-перифраз весьма сильно отличается друг от друга. Идеография идиоматики покрывает в основном антропоморфические зоны характеристик, окрашенные негативно: поле глупости, безделья, пьянства, разврата и т.д. Полевая же структура перифраз при её несомненной коннотативной окрашенности направлена всё-таки не на антропоморфные характеристики, а на номинативные

сферы действительности. Конечно же, в каком-то общем семантическом пространстве они имеют точки пересечения уже потому, что и идиомы, и перифразы являются единицами прежде всего оценивающими реальность, а не прямо называющими её. Согласно предложенной Н.Ф. Алефиренко (2008) классификации экстралингвистических факторов возникновения новых фразем, их следует разделять на пять групп:

«1) общественно-политические события: войны, мятежи, революции, «перестройка» в постсоветское время приводят к падению нравов, в этих условиях усиливается уголовный элемент и влияние его морали, криминализируется правосознание, увеличивается количество преступлений, наблюдается смешение стилей, происходит демократизация языка. Происходит семантическая неофразеологизация. Ср. первичные и вторичные значения неофразем: *горячая точка* — 1. ‘место ожесточенных вооруженных конфликтов’ и 2. ‘любая остроконфликтная ситуация’; *златая цепь на дубе том* — 1. строки из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и 2. ‘о новом русском’; *обвешать косяками* — 1. *косяк* — ‘вина, мера «плохих» дел’ и 2. ‘предъявить множество обвинений’;

2) урбанизация: распространению арготизмов, их проникновению в общенародный язык способствует, как правило, рост городского населения; профессиональная преступность концентрируется в таких криминогенных местах, как вокзалы, рынки, рестораны, пивные, ср.: *кинуть на бабки* — ‘обманом завладеть деньгами’, *кинуть по соточке* — ‘выпить по сто граммов’, *кинуть тачку* — ‘проехать на такси, не заплатив’, *кинуть фишку* — ‘отколоть номер’;

3) юридические и криминогенные ситуации: в местах не столь отдаленных происходит обмен арготическими фраземами, усвоение их непрофессиональными преступниками и, как следствие этого, перенос таких фразем в разговорную речь: *играть на пианино* — ‘давать отпечатки пальцев’, *крошит батон, катит баллон* — ‘вести себя агрессивно по отношению к кому-либо’;

4) события культурно-просветительского характера: в СМИ, среде актеров, политиков наблюдается «принцип пирамиды», когда арготические фраземы первоначально используются на вершине, а затем спускаются к основанию, начинают употребляться широкими массами людей: *звездная болезнь* — ‘завышенное ощущение собственного величия’; *звездная пыль* — ‘название нового телепроекта о жизни и нравах богемы’; *перекрыть кислород кому-л.* — полит. ‘ограничить доступ к источникам жизнедеятельности’; *черная дыра* — ‘обстоятельства, поглощающие финансовые средства’; *мыльная опера* — ‘низкопробный телесериал’;

5) социально-психические факторы: они больше всего связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми, молодежь порой тянется к тому, что «нельзя»; употреблению арготизмов способствует своеобразная мода на блатные выражения, подражание; иногда, правда, переходу арготизмов способствует недостаток образования (ср.: Бирих, Матешич 2002: 34). Так, напр., вместо *иди отсюда* говорят: *крути педали, пока не дали; иди в баню / в мусс / кактусы полоть (прореживать) / кудри / луну расчесывай / море асфальтируй / пасись / тайгу подметай / туда, где солнце всходит / тусуйся / упади; иди ты на художника учиться; иди пропылесось пустыню / иди тундру пылесось* — ‘не мешай, займись своим делом’; *рога отсохли* — ‘о состоянии усталости от занятий; учеба достала’».

Как видим, на когнитивном уровне два типа фразеологизмов — «классические идиомы» и «маргинальные перифразы» — равно активны. Именно поэтому перифразы не были исключены из сферы анализа в нашей коллективной монографии по славянской неофразеологии. Благодаря их анализу динамические процессы во фразеологии получили системное описание. Таким образом, прагматический подход к определению фразеологических неологизмов предполагает более широкое их толкование: приведённое раньше определение фразеологических неологизмов В.М. Мокиенко (2003) позволяет включать в корпус фразеологических неологизмов массу разговорных, просторечных и жаргонных фразеологизмов, не попавших в словари по цензурно-редакционным причинам и не получивших по тем же причинам адекватного описания.

Для объективного понимания и оценки процессов неологической фразеологизации необходим и определённый исторический фон, помогающий оценить подоплёку этого явления в наши дни. Такой фон позволяет определить круг источников фразеологической неологии, продемонстрировать динамические процессы во фразеологическом фонде каждого из славянских языков. В центре внимания здесь должны быть способы расширения корпусов новой фразеологии славянских языков и механизмы их образования. Наряду с традиционными способами образования фразеологизмов — переосмыслением терминологических словосочетаний, развёртыванием метафор и т.п. — активизировались и способы заимствования готовых образных оборотов и структур, преимущественно англицизмов американского происхождения. Значительную часть фразеологических неологизмов составляют единицы, ориентированные на субстандарт, значительно реже — на диалектную фразеологию. Немалую часть современной фразеологической неологии, как это ни парадоксально, занимают и такие

древние обороты, которые восходят к Библии. Разумеется, большая часть фразеологических библеизмов издавна уже была адаптирована фактически всеми славянскими языками. Но в новое время произошла актуализация многих библеизмов, что генерировало довольно много их новых вариантов и трансформаций. Парадоксальным явлением русского, украинского и белорусского языков здесь стало актуализация двух идеологически несовместимых на первый взгляд типов единиц — библейских оборотов, с одной стороны, и (с иронической переинтерпретацией) советизмов, — с другой. При этом советизмы в отличие от библеизмов во многом претерпевают не столько семантическую, сколько стилистическую «перекраску»: они часто употребляются иронически в духе так называемого «стёба». В то же время чрезвычайно активны и фразеологизмы, представляющие по сути дела варианты уже существующих структурно-семантических моделей. Целью этой всё растущей лексической вариативности является обновление внутренней формы фразеологизма и тем самым оживление его экспрессии. Задача будущего исследования славянских фразеологических неологизмов — определение корреляции «старого и нового», традиционного и нетрадиционного в соответствующих фразеологических системах.

С первого момента рождения фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины принципиальным вопросом стало отношение фразеологических единиц к другим языковым единицам — морфемам, лексемам, синтагмам, к тексту. Одной из центральных проблем этого ряда является корреляция между фразеологией и лексикой. Для фразеологической неологии такая корреляция столь же актуальна, как и для фразеологии традиционной, давно устоявшейся. Доля сходств и различий между фразеологизмами и словами, вероятно, примерно одинакова как в новых фразеологизмах, так и в традиционных. Однако, уже вышеназванная идеографическая избирательность фразеологии, как нам кажется, здесь проявляется особенно ярко. Так, фразеологические неологизмы перифрастического типа не только служат обозначениями новых явлений действительности, но и становятся их оценочной характеристикой. Неслучайно поэтому при сопоставлении такого рода фразеологизмов в разных славянских языках образуются некие фразеологические лакуны, которые трудно восполнить фразеологическими средствами соответствующего языка. Так, в весьма полном и относительно недавно вышедшем русско-чешском фразеологическом словаре Л.И. Степановой некоторые из таких «лакунных перифраз» эквивалентированы именно лексемами, а не фраземами, напр. рус. **люди в белых халатах** — *lékaři*; **коричневая чума** — *neofašismus, neofašisté*; **чёрный ящик** — *hádanka, záhada*

(Stěpanova 2007: 380, 847 и 876). Именно такая лакунность устойчивых словосочетаний для обозначения общих новых реалий свидетельствует о том, что фразеологическая система членит окружающую действительность несколько иначе, чем лексика, по-разному отражаясь в разных языках. Н.Ф. Алефиренко в этой связи справедливо замечает: «Неофраземы отличаются от слов-неологизмов и стилистической коннотацией, и сферой употребления. Если лексические неологизмы, как правило, являются, за редким исключением (*клонировать, дилер, инаугурация, поп-группа, кикбоксинг*), межстилевыми, то неофраземы прежде всего относятся к разговорному (*вешать лапшу на уши* — ‘вводить в заблуждение кого-либо’) и газетно-публицистическому стилям речи (*отмывать грязные деньги* — ‘путем банковских манипуляций скрывать происхождение незаконного обогащения’). По стилистической окраске лексические неологизмы в большинстве своем стилистически нейтральны (исключение составляют лишь отдельные неологизмы типа *коммуняка, пирамидчик, популист, сексот, политтусовка*); неофраземы чаще всего отличаются сниженной коннотацией» (Алефиренко 2008; в печати).

Различие в подходе к фразеологической неологике во многом определяет способы словарного описания этой группы фразеологии. Практически отсутствуют специальные фразеологические словари неологизмов. Исключение составляет словарь *Новая русская фразеология (60–90-е годы)* В. М. Мокиенко (2003), где дано и предварительное теоретическое обоснование принципов словарной обработки ФЕ-неологизмов. Для русской фразеологической неологистики из современного субстандарта определённым лексикографическим опытом стал *Русско-немецкий словарь фразеологии молодёжного жаргона* (Вальтер, Мокиенко 2000). Эти первые опыты показали, что для специализированного словаря славянской фразеологической неологистики необходима постоянная фиксация и как можно более полное лексикографическое описание ФЕ-неологизмов. До сих пор фразеологическая неологика фиксировалась преимущественно в общих словарях неологизмов, причём, как правило, эпизодически: *Новые слова и значения* (1970 и 1980); *Новый русский лексикон* (1999); *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* (1969–1978); *Нов фразеологичен речник на българския език* (Анкова-Ничева 1993), а также в *Nová slova v češtině. Slovník frazeologizmů. Kolektiv autorů pod vedením Olgy Martincové. Academia. Praha 1998*; *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1972–1981. Red. D. Tekiel. Cz. I–II. Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1988–1989*; *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985–1992. Red. T. Smółkowa 1998*; *Neue Wörter und Bedeutungen. Russische Lexik der 90er Jahre. Zusammengestellt von E. Kanowa und W. Egert. Berlin: Humboldt-*

Universität Berlin. ZE Sprachenzentrum, 1992; *Neue Wörter und Bedeutungen. Russische Lexik der 90er Jahre*. Zusammengestellt von E. Kanowa, W. Egert, V. Mokienko. Humboldt-Universität Berlin. ZE Sprachenzentrum. Berlin 1998; *Neue Wörter und Bedeutungen. Russland heute. Lexik im Sprachgebrauch*. Band 3. Zusammengestellt von E. Kanowa, W. Egert, V. Mokienko. Humboldt-Universität Berlin. ZE Sprachenzentrum. Berlin 2000.

В качестве перспективы на будущее необходимо планомерное исследование и точная паспортизация фразеологических неологизмов в разных славянских языках. При этом для адекватного межславянского сопоставления очень важным станет определение хронологической границы понятия «неологизм». Учитывая принципиальные политические, экономические и культурологические изменения в жизни славянских стран последнего времени, точку отсчёта здесь следует вести от середины 80-х годов. Эта пусть и относительная временная граница имеет не только социально-политическое обоснование, но и в какой-то степени совпадает с мощной технической «революцией», изменившей информационную систему во всём мире: активное использование интернета, электронной почтовой связи, мобильных телефонов с СМС и т.д. Не случайно эта техническая революция оставила весьма глубокий след в лексике и фразеологии, так или иначе связанных с компьютерной технологией. Причём этот след заметен не только в литературном и публицистическом стиле, но и мощно пульсирует в разговорной речи, особенно в компьютерном жаргоне. Об объективности выбора такого временного рубежа свидетельствует и то, что именно период 1985–2002 гг. сделали репрезентативным составители новейшего *Русско-немецкого словаря новых слов* (Uluchanov, Hebecker, Belentschikow, Belentschikowa 2007). Показательно, что этот словарь в основе своей лексический, как и большинство словарей славянской неологистики (напр., польской, украинской, сербской, чешской). Именно этот факт заставляет фразеологов-славистов разных стран разрабатывать проекты будущих специализированных словарей славянской неологистики.

В указанный исторический период во всех славянских языках заметно активизировались и два других взаимопротиворечивых на первый взгляд процесса: интернационализация и национализация. Разумеется, эти процессы протекали во всех европейских языках с самого момента их возникновения, однако в середине 80-х годов они получили и особую интенсивность, и иную социополитическую ориентацию. Вот почему эти классические для развития языковых систем процессы можно квалифицировать и как процессы инновационные для очерчиваемого исторического периода. Рассматривая общие процессы интернационализации и национализации славянских языков, исследователи долж-

ны постоянно учитывать их фразеологическую специфику, которая заключается в экспрессивно-оценочной семантике фразеологических единиц и особом, типичном характере заимствования последних из других языков, прежде всего путём калькирования. Доминантами такого анализа уже стали интернациональный фонд славянской фразеологической картины мира, фразеологические неологизмы английского происхождения, эволюция фразеологических неологизмов, новые устойчивые словосочетания в языке средств массовой информации. Многие фразеологизмы, объявляемые сугубо национальными, на поверку оказываются интернациональными, присутствующими во многих европейских языках. Даже такие обороты, как, например, *русская душа*, возникли на общеевропейской культурной почве.

В то же время немало устойчивых словосочетаний уже своей языковой формой и структурой показывают направление источника заимствования. В словаре англицизмов русского языка (Вальтер и др. 2005) обилие оборотов, которые маркированы англоамериканским происхождением, напр., *жить на батлах* (с. 31); *полный безандестенд* (с. 33), *удринченный в бэксайд* (с. 60), *олл-райт* (с. 219), *по чиперу* (с. 381); *мыльная опера* (с. 220), *першинг класс* (S. 233) и др. Многие новые ФЕ часто актуализируют уже существовавшие в языке интернациональные устойчивые словосочетания или меняют свою семантику под влиянием английского и других западноевропейских языков. Европейская идиоматика с её яркой образностью и ёмким культурным смыслом становится всё более важным ресурсом обогащения фразеологического состава славянских языков. Было бы заманчиво провести такой фронтальный анализ и для других славянских языков, тем более, что определённые лакуны остаются и в исследовании современных фразеологических германизмов и романизмов в славянской фразеологии.

Мощным источником неологизации славянских фразеологических систем стала и собственно национальная речевая стихия. В постперестроечный период и в период Бархатной, Оранжевой и других революций во фразеологии весьма активизировались разговорно-просторечные и субстандартные единицы, особенно молодёжные жаргонизмы. Именно из этих языковых ресурсов генерируются всё новые и новые ряды фразеологизмов, рождённые потребностью по-новому, иными языковыми образами экспрессивно обозначить старые предметы и явления. Чаще всего это антропоцентрические концепты типа «глупость», «болтовня», «обман», «безделье», «пьянство», «секс» и т.п. Нужно подчеркнуть, что неологизация фразеологических систем из национальных языковых источников происходит и за счёт повышенной вариативности литературных фразеологических

единиц. Трансформация давно устоявшихся идиом нередко приобретает в современных условиях самодовлеющий характер, фразеологическое творчество в живой речи города, в политическом дискурсе и в произведениях современных писателей становится нередко своеобразной языковой игрой с целью привлечь особое внимание адресата.

Одной из крупных теоретических проблем в современной лингвистике, как известно, стал когнитивизм. Он имеет своё специфическое преломление во фразеологических системах. Когнитивные параметры фразеологических неологизмов весьма многообразны: традиционное и нетрадиционное во фразеологической картине мира, специфика инноваций в средствах массовой информации, перифрастика как особый тип фразеологической неологии — вот самый общий перечень аспектов, анализируемых именно под когнитивистским углом зрения.

Всегда актуальными во фразеологии были проблемы взаимоотношений фразеологических единиц и других языковых структур. Фразеологизм и слово, фразеологизм и пословица, фразеологизм и интертексты различных типов — таков спектр вопросов, связанных с разработкой этой проблематики. Анализ новых явлений в сфере паремиологии и «крылатологии» позволяет, с одной стороны, представить пословицы и крылатые слова как источник фразеологических неологизмов, а с другой — даёт возможность для выявления сходства и различий этих явлений в сфере фразеологии. Нередко такие вопросы рассматриваются в их культурологической ретроспективе, свойственной фразеологии вообще. Важной задачей определения неологического фонда в этих сферах языковых систем является межъязыковое сопоставление. К сожалению, двуязычных словарей крылатых слов в славистике пока ещё немного (Orłóś, Hornik 1996; Chlebda, Mokijenko, Szuleżkova 2003). Классическими уже стали русско-норвежский (Берков 1980), русско-английский (Берков, Уолш 1984) и русско-немецкий (Афонькин 1985; Афонькин 2003 [переизд.]) словари крылатых слов. Но они были изданы до избранной выше временной границы. Поэтому, к сожалению, при всех их филологических достоинствах они не могут быть источниками для исследования современной фразеологической неологии. Частично эту лауну постарались восполнить авторы *Русско-немецкого словаря актуальных крылатых слов* (Arzumanova, Mogutschaja, Nikitina, Poljakova, Walter 2007), в котором зафиксированы такие новые обороты, как *мочить в сортире* (158-159); *мозговой трест* (164); *утечка мозгов* (165); *свет в конце тоннеля* (151) и др. Хочется надеяться, что такого рода источники будут создаваться для всех славянских языков, ведь они давно востребованы современными средствами массовой информации.

Особая проблема, связанная с динамизацией славянских фразеологических систем — типология фразеологических трансформаций в литературе и публицистике. Хотя трансформы являются имманентным свойством функционирования фразеологии и далеко не всегда могут давать неологические результаты, специалисты по неологике совершенно оправданно сосредоточиваются именно на тех их типах, которые можно рассматривать в качестве источников фразеологической неологизации. В структурном отношении здесь весьма показательны трансформы современных пословиц, нередко становящиеся генератором языковой игры и прагматическим модусом рекламы. В жанровом отношении они имеют особую значимость в публицистическом стиле и интернете. Как показал опыт массивированного лексикографического описания так называемых «антипословиц» в русском языке (Вальтер, Мокиенко 2005), типология таких трансформ в целом укладывается в классификацию индивидуально-авторских преобразований фразеологии литературного языка. Инновационными здесь являются собственно не типы трансформаций, а функционально-стилистические эффекты, задаваемые говорящими или авторами подобных трансформ. Сам иронический эффект, достигаемый с помощью трансформирования пословиц и поговорок, является своеобразным вызовом так называемой «народной мудрости» и определённым опровержением её. Тем самым фольклорная семантика и форма, консервированная веками, как бы выворачивается наизнанку, создавая новый «смеховой» и языковой мир.

В настоящее время необходим постоянный и целенаправленный сбор библиографии по данным вопросам, что частично сделано в заключительной части названной неофразеологической монографии. Более оперативной должна стать и связь фразеологов из разных стран Европы и разных фразеологических школ; с этой целью в Гейдельбергском университете по поручению Фразеологической комиссии МКС Александром Бирихом был создан сайт, на котором будут представлены работы фразеологов-русистов и славистов всего мира. Мы обращаемся ко всем им с просьбой представить на этом сайте полную библиографию своих трудов. Возможность постоянного обмена результатами научных исследований и продуктивная ежедневная работа многих фразеологов-славистов создали надёжную теоретическую и практическую основу для исследования славянской фразеологической неологике. Всё сделанное даёт новые импульсы для дальнейшего изучения одного из важнейших блоков языковой системы славян в современном мире. Идея комплексного анализа славянской фразеологической системы ждёт теперь ещё более детализированной разработки в разных странах современной Славии.

ЛИТЕРАТУРА

- W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkowa: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask 2003.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. T. 1: *Słowotwórstwo / Nominacja*. Red. I. Ohnheiser. Universität Innsbruck — Institut für Slawistik; Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej. Opole 2003
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. T. 3: *Frazeologia*. Red. W. Mokienko, H. Walter. Opole 2008.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga opracował Zespół Redakcyjny pod kierunkiem Juliana Krzyżanowskiego. T. I–IV. Warszawa 1969–1978.
- T.Z. Orłoś, J. Hornik: *Czesko-polski słownik skrzydlatych słów*. Kraków 1996.
- K. Arzumanova, L. Mogutschaja, E. Nikitina, M. Poljakova, H. Walter: *Russisch-Deutsches Wörterbuch aktueller geflügelter Worte*. Greifswald 2007.
- L. Stěpanova: *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc 2007.
- I. Uluchanov, H. Hebecker, V. Belentschikow, R. Belentschikowa: *Russisch-Deutsches Wörterbuch der neuen Wörter: Русско-немецкий словарь новых слов*. Москва 2007.
- Н.Ф. Алефиренко: *Неофраземика в когнитивно-ономасиологическом аспекте* (2008; в печати).
- Ю.Н. Афонькин: *Русско-немецкий словарь крылатых слов. Около 1200 единиц*. Под ред. д-ра В. Шаде. Москва-Leipzig 1985.
- Ю.Н. Афонькин: *Русско-немецкий словарь крылатых слов. Около 1200 единиц*. Под ред. д-ра В. Шаде. Москва 2003
- В.П. Берков: *Русско-норвежский словарь крылатых слов*. Москва 1980.
- В.П. Берков, И.А. Уолш: *Русско-английский словарь крылатых слов*. Москва 1984.
- А. Бирих, Й. Матешич: *Из истории русских библейских выражений*. В кн.: «Русский язык за рубежом» 1994, nr 5-6, s. 41-47.
- А. Бирих, Й. Матешич: *Фраzeология в русском и хорватском субстандарте*. В кн.: *Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*. Pod red. M. Aleksienki, W. Mokijenki, H. Waltera. Szczecin 2002, s. 34–46.
- Х. Вальтер, О. Вовк, А. Зумп, и др.: *Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы*. Москва 2005.
- Х. Вальтер, В.М. Мокиенко: *Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии. 1250 жаргонизмов молодёжного сленга с немецкими параллелями. Russische Phraseologen des Jugend-Slangs mit deutschen Äquivalenten*. Грайфсвальд 2000.
- Х. Вальтер, В.М. Мокиенко: *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург 2005.
- Е.В. Ганапольская: *О соотношении новой и старой фразеологии в текстах современной «массовой» литературы (детективный жанр)*. В кн.: *Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко*. Москва 2002.
- В.М. Мокиенко: *Фразеологические библеизмы в современном тексте*. В кн.: *Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской/Северо-Западной Библейской Комиссии (1915–1995)*. Санкт-Петербург: 1995, s. 143–158.
- В.М. Мокиенко: *Новая русская фразеология*. Opole 2003.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*. Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. Москва 1971.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*. Под ред. Н.З. Котеловой. Москва 1984.

- Т.Н. Буцева, Ю.Ф. Денисенко, Е.П. Холодова и др.: *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов*. Под ред. Е.А. Левашова. Санкт-Петербург 1997.
- К. Анкова-Ничева: *Нов фразеологичен речник на българския език*. София 1993.

Harry Walter

PROCESSES OF NEOLOGIZATION IN RUSSIAN AND SLAVONIC PHRASEOLOGY

Summary

The article intends to present a comprehensive survey of the development of phraseology in Russian and other Slavonic languages. Unfortunately, most of the dictionaries of neologisms do not contain phraseology. On the one hand, we observe a lack of reliable reference works and dictionaries of phraseological neologisms, reflecting the active development of phraseology in contemporary Slavonic languages. On the other hand we observe the intensive research in this field because phraseology plays an important role in the development of those languages. It is intended to analyze the interaction between phraseological structures and further idiomatic units, for example proverbs and winged words, to try to compile comprehensive dictionaries, which illustrate the rapid development of Slavonic phraseological systems. Emphasizing the inadequacy of historical and etymological research of Russian and Slavonic phraseology, the author lines out possibilities for further research by regarding the results of synchronic and diachronic analysis of phraseology and proposes a comprehensive bibliography of reference works on the topic of phraseology in Slavonic languages.

Harry Walter

PROCESY NEOLOGIZACJI WE WSPÓŁCZESNEJ FRAZEOLOGII ROSYJSKIEJ I SŁOWIAŃSKIEJ

Streszczenie

Artykuł stanowi próbę spojrzenia na rozwój frazeologii rosyjskiej i innych języków słowiańskich. Niestety, większość słowników neologizmów nie zawiera frazeologii. Z jednej strony mamy do czynienia z brakiem rzetelnych prac na temat neologiki frazeologicznej i słowników odzwierciedlających aktywny rozwój frazeologii języków słowiańskich. Z drugiej strony obserwujemy intensywne badania tej sfery, ponieważ frazeologia gra ważną rolę w rozwoju tych języków. Autor próbuje zanalizować relacje między różnymi rodzajami związków frazeologicznych i im podobnych zjawisk językowych (takich jak przysłowia czy skrzydlate słowa), mając na względzie potrzebę opracowania słownika mogącego zilustrować szybki rozwój słowiańskich systemów frazeologicznych. Podkreślając niewystarczalność historycznych i etymologicznych badań nad frazeologią rosyjską i słowiańską, autor ukazuje możliwości dalszych badań z wykorzystaniem rezultatów synchronicznych i diachronicznych badań frazeologii, proponując równocześnie stworzenie bibliografii prac poświęconych frazeologii języków słowiańskich.